

Яркое июньское солнышко, по-летнему тёплое, вошло над лесом, осветило луг на берегу речки, дачные дома, пригрело остывшую за ночь землю. На листьях деревьев, на траве, на лепестках распустившихся цветов, на мелких соцветиях смородины, жимолости, крыжовника, черёмухи заблестели, заискрились капельки росы. Высыхая под горячими лучами, они вспыхивали, переливаясь разноцветными огоньками, придавая чарующей красоте природы извечное волшебство её нескончаемых красок.

В свежем воздухе, ещё прохладном и чистом, напоённом душистым ароматом сирени, черёмухи, шиповника, порхали крапивницы, лимонницы, голубянки, капустницы, траурницы.

Весело щебетали в кроне берёз птицы. На земле важно вышагивали скворцы, поблёскивая зеленоватыми грудками, ворошили клювами камешки, выискивая под ними гусениц, жуков, червяков. Неумолчно трещали дрозды, сороки, и где-то, невидимая в гуще зелёной листвы, кричала желтокрылая иволга.

Над ещё сонным, но уже начавшим просыпаться дачным посёлком, высоко в голубом небе, распластав крылья, парил, высматривая добычу, зоркий коршун.

В ранний час нового светлого дня, безоблачного и тихого, за обветшалыми досками, которыми обшиты стены старого дачного дома, проснулась шмелиная семья. Между сосновыми брёвнами, утеплёнными в пазах конопляной паклей, и шершавыми досками она хорошо перезимовала. В одной треснувшей от времени доске выпал сучок. Почерневшая дырка от него стала удобным летком, входом в шмелиное жилище, выложенное восковыми сотами.

Приложи ухо к летку — и услышишь таинственный шорох в стене, грозное гудение. Там, за досками, идёт своя, загадочная шмелиная жизнь.

В это ясное утро в шмелиной семье сердито гудели взрослые шмели, толстобрюхие и ленивые. Готовясь к вылету в лес, в поле, на луг, в сады и огороды, они расправляли от ночного сна крылья, недовольно ворчали:

— На лугу возле речки всю пыльцу с одуванчиков мы собрали, весь нектар с клевера высосали... Придётся далеко лететь за взятком... В огороды, где много подсолнухов... Пора шмелят приучать к работе... Нечего им на сотах разлёживаться, лодырничать, на брюшках лапки сложивши...

Шмелик Жужик вовсе не хотел быть лежебокой. У него недавно отросли маленькие прозрачные крылышки. Он почти по-взрослому потряс ими, пробираясь к летку, но мама Жужиха одёрнула его за усики:

— Жужик! Куда собрался в такую рань? За пыльцой?

— Да, мама, полечу пить нектар и собирать в корзиночки пыльцу, ведь я уже не маленький.

— Нельзя тебе одному лететь. Заблудишься... Крылышки твои не окрепли, слабы ещё...

— Мама, отпусти, пожалуйста... Немного полетаю, наберу в корзиночки пыльцы и вернусь.

— Ладно... Лети, но не дальше нашего сада. Тебе и здесь хватит пыльцы. Пионы распускаются... Яблони, сливы, нарциссы ещё не отцвели, на поляне возле дома полно одуванчиков... По ним ползали пчёлы, но и после них найдёшь пыльцу. В дальний конец сада, в окна дома не залетай...

Жужик уже не слушал маму Жужиху. С радостным жужжанием выбрался через леток на улицу, посмотрел на огромный мир своими глазами-бусинками. Впервые в своей маленькой жизни он видел голубое небо, ослепительное солнце, высокие зелёные деревья, синюю крышу большого дома, сад с множеством всяких растений. Мама часто рассказывала ему о зелёной траве, о жёлтых и синих цветах, о бело-розовых лепестках яблонь и слив, о доме с окнами, в которые нельзя залетать, о синей крыше, приметной издали, о птицах, которых надо бояться. И ещё много всего, чему не знал названия, увидел Жужик в это чудесное утро.

Счастливый Жужик взмахнул крылышками, загудел и... полетел. Просто так, сам не зная куда.

— Ура! Я лечу! — прогудел Жужик и сел на понравившийся ему жёлтый цветок.

Из рассказов мамы он догадался: это одуванчик! На нём оказалось много не тронутой пчёлами пыльцы. Жужик полакомился сладким нектаром, напился из росинки и перелетел на другой цветок. В мохнатые кармашки-корзиночки на его ножках набралось немного пыльцы. Он отнесёт её в шмелиное гнездо, положит в ячейку сот. Из неё получится капелька мёда, которым зимой будет кормиться семья. И старые шмели не назовут его бездельником. Так, перелетая с цветка на цветок, Жужик скоро наполнил корзиночки пыльцой. Это занятие ему очень понравилось.

Ах, как прекрасно вокруг! Как замечательна жизнь среди благоуханных цветов! Какой дивный запах источают белые и розовые пионы!

Жужик вспомнил о скучном ползании в тесном жилище, где старики-шмели рассерженно гудят на маленьких шмелят, где темно и душно, и он решил не спешить с возвращением домой.

— Полетаю ещё по этому дивному саду, — прогудел Жужик, опускаясь на ромашку. — Здесь так хорошо!

Прежние хозяева сада ушли в мир иной, а наследники их, молодые горожане, лишь изредка наведывались сюда жарить шашлыки, отдыхать на лоне природы. В неухоженном саду пышно разрослись сорные травы. Изгородь оплели крапива, лебеда, чертополох. Предоставленные сами себе, политые редкими дождями, скромно цвели розы, пионы, гвоздики, ландыши, лилии, маки, ромашки, ирисы. Над бывшими клубничными, морковными, свекольными, капустными, луковичными, помидорными, огуречными грядками, пришедшими в запустение, затянутыми осокой, подорожником, чистотелом, свисали корявые ветки одичавших яблонь и слив. Тонкие, чахлые ростки вишни, малины, клёна, семена которого занёс в сад ветер, вперемежку с травой проросли повсюду. Заброшенный сад — райское место для жуков, бабочек, пчёл, ос и шмелей, для разноголосых птиц, для мышей, хомяков, ежей и бурундуков!

Долго летал Жужик, открывая для себя всё новые запахи и цветы. Больше всего ему приглянулись подсолнухи-самосейнцы, напоминавшие маленькие солнышки. Вокруг него кружились красивые бабочки, озабоченно гудели пчёлы, в горячем воздухе роем вилась мошкара.

Был полдень, когда Жужик тяжело опустился на камень в клумбе. Отдыхая, он почесал лапками брюшко и задремал, разомлев на солнышке, но рядом с ним сел желторотый Воробей.

— Чирик-чирик! Что за чудище такое мохнатое? Чирик-чирик! — скосил желторотик удивлённый глаз на шмеля, раздумывая, склевать его или нет.

Пока он чирикал, не решаясь клюнуть не виданного им до сих пор шмеля, Жужик, испугавшись огромных, как ему показалось, воробьиных крыльев, угрожающе загудел и улетел.

— У-у... Попробуй тронь меня! Пожалеешь об этом! Наверно, это и есть та самая страшная птица, которую, как говорила мама, надо бояться, — прогудел Жужик, пролетая мимо разбитого окна.

Из любопытства заглянул внутрь дома, потыкался в мягкую обивку дивана, в стекло рамы, побегал по узкому подоконнику. Ничего интересного не нашёл. Засохшие цветы в вазе с протухшей водой его тоже не впечатлили. Облетел другую пыльную комнату, где тоже ничто не привлекло его внимания, кроме рассыпанных по столу для сушки стеблей укропа, петрушки, мяты, листьев смородины.

«И почему нельзя залетать в дом?» — подумал Жужик и решил, что пора возвращаться домой, чтобы мама, обеспокоенная его долгим отсутствием, не волновалась. Он часто-часто замахал крылышками, отрываясь от стола, и, набрав силу, бодро полетел на солнечный свет, потоком льющийся из окна. Вдруг — бах! — больно стукнулся о невидимую преграду.

«Что такое? — испугался Жужик, ударяясь в стекло снова и снова и не находя выхода. — Мама Жужиха ничего не говорила мне об этом... Наверное, об этом она и предупреждала меня, говоря, что нельзя залетать в дом через раскрытые окна...»

После многих безуспешных попыток пробить стекло он в страхе принялся бестолково летать по дому, тыкаясь во все углы в поисках выхода, и совсем было пал духом, но, к великой радости, неожиданно для себя вылетел в разбитое окно. Обрадовавшись обрётённой свободе, Жужик поднялся повыше над землёй и полетел в дальний конец сада, манящий тишиной, покоем и завораживающей красотой буyno разросшегося шиповника, ставшего живой

изгородью. Он устал махать крылышками и, натружено гудя, опустился на белый, начавший распускаться пион, пробрался внутрь тугого бутона и закрылся лепестком.

«Полежу чуток, отдохну на такой сказочной постельке,— подумал Жужик.— Не сравнить её с жёсткой лежанкой на сотах в нашем гнезде».

Свернулся калачиком, обняв приятно пахнущие пестики-тычинки, зевнул и сладко уснул. Он спал так крепко, что не слышал, как на дачу приехали новые хозяева, жгли древесные угли в мангале, жарили шашлыки, громко пели под гитару, смеялись, веселились. Жужик не проснулся, когда на него пахнуло дымком от мангала, когда неподалёку в густых зарослях колючего шиповника прошуршал прелой листвой старый Ёж, проворчал недовольно:

— Понаехали, тут... Гуляки...

К вечеру лёгкие облачка закрыли небо, обещая освежить природу долгожданной влагой. Жужик не слышал, как по лепесткам пиона легонько застучали капельки моросящего дождя. Ветерок раскачивал цветок. Убаюканный шелестом листьев, Жужик мирно спал в пионовой колыбельке. Что снилось ему? Поляна в золоте одуванчиков? Добрая мама Жужиха, кормящая его мёдом? Нежно-розовые лепестки вишни? Под ним щёлкнули садовые ножницы в руках девочки, срезавшей пионы для букета. Стряхнув с мокрых цветов дождевые капли, девочка восторженно сказала:

— Мама! Посмотри, какие красивые цветы!

— Да, очень хороши... Оборви лишние листья и садись в машину... Погода портится... Мы едем домой,— ответила мама.

...Ночной ветер разогнал хмурые тучи над небольшим провинциальным городом, районным центром близлежащих сёл.

Ясное утро нового благодатного дня заявило о себе солнечными яркими лучами, пронзившими невесомый полупрозрачный тюль в пластиковом окне на пятом

этаже жилого дома. Перемещаясь по комнате по мере того, как поднималось солнце, лучи коснулись хрустальной вазы с букетом пионов на журнальном столике, позолотили светлые кудряшки спящей девочки. От ударившего в глаза ослепительного света она проснулась, глянула на цветы и не поверила глазам: чудо, настоящее чудо совершилось за ночь! С вечера круглые, как шары, бутоны раскрылись, превратились в белые махровые шапки изумительных пионов — достойных соперников роз, тюльпанов, гладиолусов и других столь же прекрасных цветов. Тончайший аромат исходил от них, наполняя комнату приятным запахом благовонных духов. Желая глубже вдохнуть его, девочка наклонилась к букету. То, что она увидела, привело её в неопиcуемый восторг. На донышке бутона, в окружении белых лепестков, прижав лапки к брюшку, свернувшись мохнатым клубочком, спал шмелик.

— Мама! Мама! В пионе шмель спит! — радостно хлопая в ладоши, запрыгала девочка.

— Не шевели его! Проснётся — больно ужалит, — торопливо входя в спальню дочери, обеспокоенно сказала её мама. — Я сейчас выброшу цветок на улицу вместе с этим опасным насекомым.

— Мама! Пусть он поспит ещё немного... Он такой хорошенький... Славненький... Лапки сложил, свернулся клубочком, как наша кошка Феня, и спит себе... И цветок выбрасывать зачем? Он такой прелестный!

— Ещё чего выдумала! Не выбрасывать! Вот жулькнет тебя, узнаешь тогда, какое у этого славненького шмеля оружие защиты имеется... Подумать только! С дачи привезли мы этого красавчика с острым жалом!

Мама вынула из вазы цветок и вышла с ним из комнаты. Она не сделала к балкону и нескольких шагов, как проснувшийся от встряски шмелик с грозным гудением вылетел из пиона, устремился к стеклянной балконной двери. Мама ахнула, выронила цветок, вскричала:

— Какой ужас! Он вылетел! Сейчас всех нас пережалит! Таня! Неси скорее полотенце! Или нет! Лучше веник! Я прибью его!

На крик мамы прибежал сын Павлик — пятнадцатилетний брат Тани, рыжий, вихрастый мальчишка, конопатый озорник.

Жужик бился в стекло, глухо гудел без намерения кого-нибудь ужалить.

Павлик ловко накрыл его открытым спичечным коробком, прижал к стеклу, закрыл коробок.

— Всё! Теперь он мой! Хорошо бы ещё одного такого изловить и к нему посадить... Посмотреть, кто кого победит, — торжествуя, сказал Павлик, прикладывая коробок к уху. — Ого, как шебаршит! Дам во дворе пацанам послушать... Вот потеха будет! У Мишки Бочкина жук в коробке сидит, а у Кирилла Иванова лягушонок... У меня круче жилец! Опасный! Сменяю его на мороженое...

Пытаясь выбраться, Жужик отчаянно царапал ножками стенки короба. Пыльца из корзиночек высыпалась, ему очень хотелось пить. Однако он не терял надежду убежать из плена, в котором оказался после сказочного сна в пионе.

Выбившись из сил, Жужик затихал, но вредный мальчишка встряхивал коробок, заставляя шмеля возиться в нём. Сидя в полной темноте, Жужик не знал, день на улице или ночь. Но иногда Павлик приоткрывал коробок, проверяя, жив ли пленник, и тогда полоска света пробивалась к нему, напоминая о солнце, о золотой поляне, о доме с синей крышей, где за досками в стене его ждёт не дожждётся мама Жужиха.

В щёлочку он просовывал передние ножки, усики и даже всю голову, но мальчишка безжалостно придавливал их, запихивал обратно. Вспоминая маму, Жужик горько плакал, и такие крохотные слезинки капали из его маленьких чёрных глаз, что никто бы их не заметил.

— Ты ещё не выпустил шмеля? — строго спросила Павлика мама, увидев спичечный коробок в руках сына. — Смотри... Доиграешься... Жиганёт тебя острым жалом, как кипятком обварит... Выбрось его в мусоропровод.

— Не жиганёт... Я вырву ему жало, — упрямо ответил Павлик, приоткрывая коробок, чтобы осуществить своё зловредное намерение, и лишь чуточку приоткрыл коробок, но Жужик сильно толкнул изнутри, крышка сдвинулась, шмель вылетел, загудел сердито.

Его мохнатый, взъерошенный вид говорил за себя: «Не тронь, а то худо будет». Павлик испуганно сдёрнул с головы бейсболку, в которой собрался идти во двор удивлять друзей страшным шмелём. Бросив пустую коробку, он принялся лихорадочно махать бейсболкой, пытаясь прибить кружившего вокруг него шмеля. С грозным гудением Жужик налетел на своего обидчика, и тот даже не успел заметить, когда шмель ужалил его в шею.

— Ай, больно! — заорал Павлик, хватаясь за распухшую, огнём горящую шею.

Жужика в комнате уже не было. Окно было распахнуто, и Жужик благополучно улетел. День он провёл в городском парке, а наступившую ночь скоротал под листом тополя, уцепившись за него лапками. С рассветом Жужик отправился на поиски родного гнезда. Много опасных приключений в то лето выпало на его долю, долго пришлось бы рассказывать о них. Лишь поздней осенью вернулся Жужик в знакомый сад взрослым, сильным шмелём. С высоты полёта увидел синюю крышу дачного дома, нашёл дырку в доске от выпавшего сучка, торопливо пролез в неё.

— Я вернулся, мама! — громко прожужжал большой взрослый шмель.

Никто не ответил ему. Мама Жужиха долго ждала своего родненького Жужика, не дождалась, отправилась на его поиски и не вернулась.